

ЭДУАРД АНАШКИН

СЫН РАССВЕТНОГО НЕБА

О Валентине Устинове писали многие коллеги и критики. И я далеко не первый и наверняка не последний, кто захочет в посмертно-юбилейный устиновский год высказаться о творчестве этого поэта. Устинова называли лириком, эпиком, мистиком, последователем Кастанеды, летописцем людских драм, подвигов, свершений. Называли человеком, сумевшим преобразовать своё творчество в судьбу, неразрывную с судьбой Отечества. Поэтом, взрывающим читательское подсознание своими мистическими прозрениями... Определений было немало, все они по-своему верны и свидетельствуют лишь о многогранности личности и творчества Валентина Алексеевича. Его природный талант и чуткость к слову, помноженные на высокое мастерство и трудолюбие, стали залогом счастливой судьбы, прожитой им в литературе.

Что немаловажно, Валентин Алексеевич щедро делился секретами поэтического мастерства с молодыми авторами. Я сам не раз, гостя в Доме творчества в Переделкино, видел, как он проводил в холле старинного корпуса литературные мастер-классы для молодых авторов. Отсутствие творческой надменности и человеческое радушие снискали Валентину Устинову профессиональное признание писателей его поколения и уважение молодых авторов. 2018 год – юбилейный для этого человека, – необычайно одарённого, искреннего, преданного литературному делу, при этом скромного и совестливого.

Сказовость и сказочность, широта письма и жеста, унаследованная Устиновым от народного эпоса, делает его поэтом народного духа и звучания. Не случайно “северным волхвом” называет Устинова его давний друг и земляк, выдающийся современный литературный критик и общественный деятель Владимир Григорьевич Бондаренко. Лучшие стихи Валентина Алексеевича с его прозрением будущего действительно сродни мистическому волхованию.

Но сейчас, говоря о прошлом, хочу вспомнить, как я познакомился с Валентином Устиновым. Случилось это довольно давно, когда писатели всего Советского Союза, не говоря уж о России, имели возможность время от времени наезжать в Дом творчества в Переделкино. Пообщаться, поработать, погулять по красивым переделкинским окрестностям, вдохнуть свежего столичного литературного воздуха во время “вылазок” в ближнюю Москву... Обычно я занимал 40-й номер в Доме творчества, в старом корпусе. А рядом, в 39-м номере, довольно долгое время жил Валентин Устинов. Проснёшься поутру, а у Валентина Алексеевича за стенкой уже всю бодро стучит печатная машинка, поэт работает...

Вечера проходили несуетно. Мы с Валентином Алексеевичем выходили в холл, он – с кружкой крепкого чая, я – с бокалом крепкого кофе. Много говорили о поэзии, о поэтах, время от времени выходя на балкон покурить. Так было несколько лет, пока Устинов не получил персональную дачу в Переделкино.

От времени нашего общения у меня осталось несколько поэтических сборников Валентина Алексеевича с самыми добрыми автографами. На книге “Песчаный свиток”, изданной в 2009 году в издательстве “Московский писатель”, он написал “Славному Эдуарду Анашкину – мою странную книгу – со страхом.

Валентин Устинов. 22.03.2009 года. Переделкино”. Прочтя этот автограф, я даже удивился: уж чего бы опасаться моего мнения всероссийски признанному поэту! Но потом подумалось: творческая самоуверенность сгубила не одного даровитого автора. И потому хорошо, что нет в Устинове этой спесивой самоуверенности.

Конечно, я видел в Устинове не только его самого, скажем так, персональное явление. Я поневоле видел в нём поэта того легендарного поколения, которое уже почти ушло от нас: Юрий Кузнецов, Николай Рубцов, Анатолий Передреев... И лишь удивительное жизнелюбие Валентина Алексеевича не позволяло мне видеть в нём “последнего из могикан”, настолько он был полон замыслов и идей. Одна из его соборных идей стала всероссийским проектом издания альманаха “Академия поэзии”, когда под одной обложкой собраны авторы разных регионов, возрастов, эстетических исканий. К тому же до последнего своего земного рубежа, несмотря на нездоровье, Валентин Устинов был поэтом действующим, активно пишушим. Как он при этом находил время на поиск талантливых поэтов по всей России, чтобы представить их на страницах “Академии поэзии”?! Однако находил!

Мне как читателю, судьба которого навсегда связана с селом и сельским трудом, особенно близко, хотя и удивительно, отношение Валентина Алексеевича, человека городского, к сельскому труду не как к некоему ярму подневольному, но как к мистическому таинству. Ведь благодаря труду на земле мы соединяемся с многими поколениями наших пращуров, кропивших родную землю трудовым потом, а потом ушедших в неё и ставших частью её. Для меня всегда очень важна в любом писателе вот эта связь его с землёй. Ведь Россия — страна крестьянская! Понимание нелёгкого сельского труда как основы основ России, основы основ мужского восприятия мира... За это понимание Поэта Валентину Алексеевичу поклон от всех сельских мужиков:

*Мужицкое святое нетерпенье
Венозной кровью взбухнет на руках,
Когда коса влетит с косым шипеньем
В букашечье,
В шмелиное гуденье,
В пырей,
В осот —
Во влажное кипенье
Зелёного парного молока.*

Такое мог написать только человек, не понаслышке знакомый с крестьянской долей. Человек, который не единожды держал в руках косу, стоя босиком на росном лугу. Так опозитизировать народный труд мог только поэт народный и по-настоящему русский!

Как всякий русский человек, Валентин Алексеевич был в творчестве ярким. Яркий мужской лиризм его стихов ностальгически воспринимается в наше время, когда в сходящих с ума от толерантности и бесполости европах настоящего мужика и не сыщешь. Слава Богу, зараза эта пока не переползла в Россию. Стихотворения Валентина Устинова так ярко мужественны, что неудивительно, что нравятся женщинам. Время сейчас, конечно, прагматическое, и людям не до романтических вздохов на скамейке, к которым иногда почему-то относят и поэзию. Но Устинов не был прагматиком. Он был поэтом. Он воспел любовь земную с той откровенностью, на какую оказались не всегда способны многие поэты его поколения. Но несмотря на откровенность его любовной лирики, по сути своей она очень целомудренна. Да и что удивительного, что поэт любил женщин, и женщины платили ему взаимностью?

*Шёл дождь — как ослик, семена.
Густели в сумраке вершины.
Ночные завихри лещины
Переполняла щебетня.
Но птиц тесня, из-за плетня
Неслось хмельно-полусерьёзно:
— Любите, женщины, меня
Сегодня, завтра будет поздно!..*

Любящие женщины, как известно, внимательны и заботливы в отношении популяризации творчества поэта, которого любят и ценят. Какие замечательные, пронизательные и проникновенные эссе об устиновской поэтике написаны женским пером!..

Вот что пишет, в частности, Марина Переяслова в своей статье, посвящённой памяти поэта: “Некоторое время назад Устинов передал мне подборку своих стихов для публикации. Она ждала своего часа, как вдруг, готовя новую подачу материалов, я, вроде как беспричинно, вспомнила о Валентине Алексеевиче и решила, что его стихи нужно срочно напечатать в журнале “Смена”. Я тогда не знала, что он уже в критическом состоянии. Журнал с опубликованными стихами увидел свет, однако Валентин Алексеевич, к сожалению, не успел подержать его в руках. Но слава Богу, что в трудные последние дни его поэзия в очередной раз пришла к людям. И что мы с мужем, Николаем Переясловым, ещё при жизни поэта написали совместную рецензию на его новую книгу “Метельный храм”...”

Честно говоря, принимаясь за это эссе, я не знал, стоит ли мне касаться личной жизни Валентина Устинова. Особенно в плане его недолгого семейного союза с одной из ведущих современных русских поэтесс Дианой Кан. Не знал я, как отнесётся Диана к тому, что я затрону эту тему. Но и не затронуть её было нельзя. Потому я очень благодарен своей самарской землячке, поэтессе и критику Марине Переясловой, ныне живущей и работающей в Москве. Со свойственной Марине Вячеславовне тактичностью она решила за меня эту проблему, написав об этом в одной из статей, посвящённых светлой памяти Валентина Устинова. Эта цитата доказывает: брак двух выдающихся поэтов хоть и был недолог, но решён был не на земле, а на небесах.

Вот что пишет Марина Переяслова: “. . . Когда печальная весть о Валентине Устинове облетела писательское сообщество, многие из тех, кто был хоть немного знаком с ним, написали об этом его бывшей жене, поэтессе Диане Кан. Она ответила всем сразу одним письмом, где, в частности, было сказано: “Сегодня целый день думаю, метафизика или просто совпадение. Вчера я практически впервые в жизни приехала в гости к коллегам – в 10 часов утра в Великий Новгород – город, о котором была столько наслышана преимущественно от своего первого мужа, поэта Валентина Устинова. Литературная юность Валентина была связана с этим городом, который он так и называл: “Господин Великий Новгород” – ностальгически и с уважением. И в это же самое время, когда я осматривала замечательные достопримечательности города, который умеет восхищать, – в это самое время умирал Валентин Устинов, который, собственно, 20 лет назад заочно познакомил меня с этим городом... И сразу словно пронзило это странное и страшное совпадение. Я подумала: к чему оно? И зачем оно? И что оно? Просто совпадением это называть – так это шанс один к тысяче... Но это определённно какой-то знак – знать бы ещё, какой!..”

И, словно ответом на это запоздалый вопрос, вспоминаются строки Валентина Устинова:

*В этот день я проспал посредине Вселенной
Миг рожденья, миг смерти
И вечность меж них.
Словно жил меж травы —
Бесконечной, нетленной.
И трава нашептала написанный стих.*

Думается, у настоящего поэта, поэта волею небес, каким был и навсегда остался Валентин Устинов, есть только миг рождения, а смерти нет. Смерти и старости нет, пока мы читаем стихи поэта, пока произносим слова, что вырваны им из мятущейся души, пока эти слова остаются для нас откровением небес, а сам поэт остаётся для нас сыном рассветного неба:

*Я таким молодым никогда ещё не был.
Поднимусь на заре и в любимом краю
Из горячего жара рассветного неба,
Как из красного шёлка, рубаху скрою.*